

ДОНАТАС БАНИОНИС:

Труд — 1999 — 27 апр.

ПОЗНАЙ СНАЧАЛА СЕБЯ

Выдающийся литовский актер, народный артист СССР, которого буквально боготворили кинозрители Союза, и сегодня полон сил и энергии. На сцене Паневежского драматического театра играет в пяти спектаклях. А за спиной — большая творческая жизнь: 102 театральные постановки, 63 роли в кино. Корреспондент "Труда" встретился с актером накануне его 75-летнего юбилея.

— Донатас Юозович, а вы сами чувствуете возраст? Много ли это — 75 лет — для художника?

— Все-таки и память уже не та и силы другие. Но на днях я получил письмо из России, которое порадовало меня. Савва Кулиш, режиссер "Мертвого сезона", написал мне, что возраст человека таков, какова его душа. А в душе я не чувствую себя стариком. Савва надеется, что мы еще будем работать вместе. Спасибо ему!

— Для российского кинозрителя вы — актер-легенда. Фильмы с вашим участием — целая эпоха в кино. Есть ли у вас любимые роли?

— Я бы сказал так: есть удачные и неудачные. Причем было так, что тех ролей, которые в итоге оказались удачными, я боялся. Но играл, отдавал всего себя. А те роли, которые мне нравились, может быть, на самом деле и не очень удачными оказались.

— Ну хорошо, какие роли, как вам кажется, получились?

— Мне кажется, я удачно сыграл Вайткуса в "Никто не хотел умирать", Ладейникова в "Мертвом сезоне", Гойю в одноименном фильме и Кельвина в "Солярисе"...

Наиболее удачными оказались роли в тех фильмах, с режиссерами которых было очень трудно работать. Это Витаутас Жалакявичюс, Андрей Тарковский. С Саввой Кулишем работать было легко, но роль удалась. Это исключение. Удача, как правило, приходила тогда, когда ночами не спал, мучился, искал "ключ" к образу. Хотя и не всегда находил.

— Вы пытались жить жизнью своего героя?

— Да нет же! Это ведь игра! (Смеется). Актер знает, как должен произнести ту или иную фразу, как посмотреть, какую выдержать паузу. Крупный план, напри-

мер, играешь иначе, чем общий. Это азбука профессии.

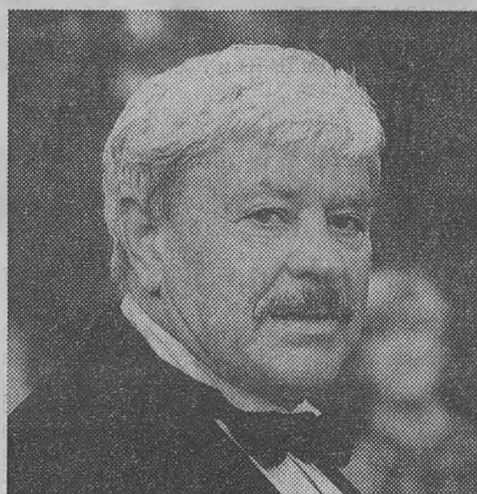
— Ваша слава началась с фильма "Никто не хотел умирать", где вы сыграли роль председателя сельсовета Вайткуса, попавшего в сложнейшую ситуацию, когда литовские "зеленые братья" боролись с советской властью. За минувшие годы Литва стала независимой, многое в истории пересмотрено. Как вы относитесь сегодня к вашему персонажу?

— Я понимаю, о чем вы ведете речь. Но в политическом плане мои герои меня никогда не интересовали. Например, готовясь к роли Ладейникова, я совершенно не думал о том, советский это или, например, американский разведчик. Я стремился понять его психологию, мотивы поступков. Видимо, кинорежиссеры это почувствовали, потому что были нарекания, будто я изображаю советского разведчика не так, как положено. А я играл не советского разведчика, а человека, попавшего в сложную ситуацию борьбы, выбора верных решений.

То же и с образом Вайткуса. Мне приходилось видеть людей, попадавших в ситуации, грозившие гибелью. Человек запутался. Он хочет жить. Никто ведь не хочет умирать. И вот появилась возможность не просто выжить, а «выбиться в люди». Эта коллизия и была мне интересна.

Политические системы меняются, а человеческое остается. Кому интересно, какие политические взгляды были, например, у Шекспира? Но вопрос «быть или не быть», который решали его герои, звучит актуально и сегодня.

— Тем не менее художник жи-

вет в конкретных обстоятельствах и часто зависим от них...

— Когда я думаю на тему «художник и власть», я вспоминаю Гойю. Его пытались привлечь инквизиция. Король хотел сделать из него придворного живописца. Но он сохранил независимость. Его офорты были направлены против инквизиции. Он высмеял королевскую семью в посвященной ей картине. Когда его пригласил инквизитор и спросил, кому он служит своими работами, Гойя ответил: «Я служу правде». Вот такой должна быть позиция художника.

— Давайте вспомним, как вы пришли на сцену.

— Я родился в простой семье. Дедушка и бабушка — деревенские. Отец учился ремеслу в Варшаве в начале века. Потом его взяли в царскую армию, он участвовал в первой мировой войне. Был ранен, демобилизован, попал в Смоленск, где жил до 1918 года. Потом вернулся в Литву, в город Вилкавишкис — недалеко от своих родных мест. Там и встретился с моей матерью. Они поженились и переехали в Каунас. Отец стал работать портным. В 1929 году уехал в Бразилию на заработки — искать счастья. Тогда из Литвы была большая эмиграция в Южную Америку, особенно в Аргентину, Бразилию и Уругвай. Отец попал туда в период мирового кризиса. Устроиться не удалось, и он вернулся в Каунас. А я поступил в керамическое училище. Несколько моих друзей, однокурсников, уже по-

пробовали свои силы в театре, потянули меня за собой. Мой друг, уже ставший актером, привел меня к Юозасу Мильтинису — руководителю Паневежского театра, который гастролировал в Каунасе. После гастролей я приехал в Паневежис и был зачислен актером с 1 июня 1941 года...

— ...А через три недели началась война. Как складывалась ваша судьба в эти годы?

— Через два-три дня после начала войны немцы уже были в Паневежисе. Но ни в Каунасе, ни в Вильнюсе, ни в Паневежисе они не закрыли театры. Так мы и проработали до конца войны. А потом решили с Мильтинисом и Вацловасом Бледисом бежать на Запад, в Америку. Мы боялись, что за «сотрудничество» с немцами нам придется отвечать. И вот за несколько дней до прихода советских войск, в первой половине июля 1944-го поехали на запад Литвы, добрались до Жемайтии. А там, под Шяуляем, еще три месяца стоял фронт. В общем, нам не удалось уехать в Америку, пришлось вернуться. Однако вопреки страхам никто нас не тронул, театр не закрыли.

— Как вы пришли в кинематограф?

— Жалакявичюс, закончив ВГИК, ставил свой первый полнометражный фильм — «Адомас хочет быть человеком». Он пригласил много актеров из Паневежиса, в том числе и меня. Это был 1959 год. Потом Жалакявичюс пригласил меня в свою вторую картину — «Хроника одного дня». Третий мой фильм был у режиссера Раймондаса Вабаласа — «Марш! Марш! Тра-та-та!» В этой сатирической комедии мне досталась уже крупная роль. А вот четвертая картина — «Никто не хотел умирать» Жалакявичюса сделала меня известным.

— Вы не потеряли связи со своими российскими коллегами? Дружите с кем-либо из них?

— Хорошие отношения у меня со многими. Ближе, может быть, Эдуард Марцевич. Мы с ним сошлись на съемках фильма «Красная палатка», потом он ставил у нас в Паневежисе спектакли. С Борей Хмельницким дружу. С покойным Роланом Быковым были близки. Всех не назовешь...

— Сейчас вы «простой ак-

тер» Паневежского драматического театра. Был период, когда вы являлись его художественным руководителем, директором. Что заставило вас покинуть эту должность?

— Режиссура — не мое призвание, я говорил об этом еще до назначения. Но в 1980 году, когда Мильтинис ушел из театра, встал вопрос, кто его заменит. В министерстве культуры решили, что руководить театром должен я. Мои возражения не приняли в расчет. Так я стал художественным руководителем. А в 1984 году наш директор Видас Добровольскис уехал в другой театр — в Каунас, к Йонасу Вайткусу. Я остался без директора. Но не дезертировать же! И тогда эту работу тоже пришлось исполнять мне.

— Несмотря на вашу неудовлетворенность этим периодом, известно, что в Паневежском театре вплоть до конца 80-х был аншлаг...

— Да, заявки на билеты поступали на три месяца вперед. А в 1992—1993-м казалось, что театру уже следует закрываться. Почти никто не ходил на спектакли. Шли на митинги. Но я отказался от должностей директора и художественного руководителя еще в 1988-м. Тогда кипело все общество, в том числе и театры Литвы. Я почувствовал, что не нужен в этой каше...

— Вот видите, все-таки художник не может быть вне политики.

— Не вне политики, а вне этого мира. А это разные вещи.

— В «Солярисе» ваш герой Кельвин пытается познать мыслящий Океан. Не кажется ли вам, что люди порой не могут познать собственную жизнь, ее смысл? Это особенно видно в последние годы. Наше общество — как тот Океан...

— Тарковский заложил в фильм глубокие идеи. Одна из них действительно такая: человек, ты пытаешься познать Космос, Бога, но сначала познай себя... Этой задаче — самопознанию людей — и служит истинное искусство...

Беседу вел
Юрий СТРОГАНОВ,
соб. корр. "Труда".
Фото из журнала "Огонек".